

Сара Гадоцу

СИНГАЧАМ

Сара Гадоцу Сингаттам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69300862

SelfPub; 2023

Аннотация

Зарифмованные попытки осмыслить время-эпоху-контекст, а также себя и своё потерянное поколение в нём, когда в прошлом уже тесно, будущее ещё не построено, а в настоящем трудно отыскать себе место. Сингаттам в переводе с чеченского – теснота души.

Сара Гадоцу Сингаттам

***

москва город грозный

Потомство волчицы, щенившейся в ночь,
Неприкаянный сын, ничейная дочь —
Идеальные жертвы. В толпе подгадав,
Нам на плечи бросается век-волкодав.
С его тяжестью псиной не совладав,
Мы в ухабы эпохи несёмся, издав
Скорбные вздохи,
Подняв
Столб пыли,
Толику шума,
Томные думы
О конце света —
И всё на этом.
От Кунты до хунты
Сквозь тернии к терниям
Верным маршрутом,
Шагом неверным.
Царство вечного морока,
Здесь каждому выбор дан:
По ком звонит колокол,

По ком откопан зиндан,
Кому саван шить,
Кому латать тришкин кафтан,
В хейте тонуть
Или с Юрием дуть —
«Да будет мужественным
твой путь».

Но есть и хорошие новости:
Тому, кто на дне, не видно дна,
Небо здесь как у Гомера в повести —
Цвета неразбавленного вина.
Смотрю на закат, постылый царьград
Стежками дорожной разметки вспорот.
Бродит пришибленный электорат,
Холодно – приподнимаю ворот.
Бесмысленный трёп, скрип скреп,
Город, захваченный в тлен, город-склеп.
Стою, гляжу, внутри – лежу.
Сколько – вряд ли скажу, я не слежу,
Я со Временем тридцать лет не дружу.
Не прошлое ворошу, не над будущим ворожу,
Опрокинулась точно с поклажи мешок, и лежу.
Думая, надо же, надо ещё решительней жить,
Думая, надо же, «век-волкодав» —
Лучшей метафоры не предложить,
Только чем нам теперь дорожить?

***

Некѡахо / Путник

Путник идѣт,
Путник несѣт
Тяжѣлый хурджин на плече.
Путник спускается вниз алфавита
В самый конец к букве Ч
Путник устал,
Сто лет из ста
В хурджине том скорбь и печаль.
Путник обвык и больше не помнит
Каково без сумы на плечах
Едва волочится,
Ноют ключицы,
Говорят, своя ноша не тянет?
Врут – пригвоздит тебя к самой земле
И колом в ней намертво встанет,
И тихо сгноит.
Путник хранит
В другом кармане хурджина
Ветхий адат, молитвенный коврик
И масло чѣрного тмина

***

Москва и февраль – грустное месиво,
Половина на Бали, другая в депрессии,
Лёд, реагенты, стенания, жалость:
Ахматова уехала? Ахматова осталась?
Не всё же вам мемы, пуровер, айти —
Всем выйти из сумрака и снова зайти.
Февраль и Москва – всегда интересно,
Как в городе с бездну может быть тесно?
Небо – мокрый пакет, рвётся где тонко,
Куда ни пойдёшь – пепел и дрожь,
Четыре чёрных чумазных чертёнка
Чернилами чёрными чертят чертёж
Что ж. Годы лихи, толпы тихи,
Не кесари гинут по воле стихий
Какой дурак в двадцать третьем пишет стихи?

***

ego

я ношу:

одежду и эго не по размеру,
склонность к скитальчеству Агасфера,
нажитый опыт швом наизнанку,
имя античной ношу куртизанки,
идеи калибра среднего класса,
немодный смартфон с чехлом из пластмассы,
запах корицы, запах сандала,

едва уловимый пафос скандала,
страсти своей близорукой отчизны,
дух немецкого романтизма,
печать неизвестности
бремя телесности,
неотвратимости нового дня,
тягу ко дну, что сильнее меня.
я не выношу:
приговоров новой эпохе,
по старой тоскливого вздоха,
командного тона, господства канона,
отрепетированного поклона.
непрощенной хутбы,
непрожитой хунты,
когда голь не видит, как гол король,
а король не видит, как смотрит голь.
когда не читаю и не пишу.
вторичности собственной не выношу.
когда слово моё не быстро как выстрел,
а трусливо, как кухонный нож в рукаве
(я всё понимаю – плоские мысли
проще укладывать в голове).
когда замыкает любимое радио,
и на следующий вечер
тишина выходит в эфир.
когда замолкает камеди-бади,

гибкий как гуттаперча,
но хрупкий как хасавюртовский мир.

***

sum

Удобно отслеживать вехи, когда каждый год
Облачился в доспехи – и в новый крестовый поход.
Теперь это слишком много – если очень устал,
Не передышка в окопе нужна – а привал.
А раз так,
Мы сидим у костра и ждём, когда рассеется мрак.
Великолепный квартет, где каждый сам себе быдло,
Господин, джентльмен и мудак:
Мальчик, из воды извлечённый, сушит тяжелый рюкзак.
Разочарован, устал, бормочет:
«Дерби в Кентукки упадочно и порочно».
Антуан Рокантен, рыжий узник свободы, он в суматохе
Потерял смысл жизни, и теперь принимает роды у новой
Эпохи.

Беднягу тошнит от всего, ему очень плохо.
Лео Бернетт. Звучит как вино, но нет —
Нафталиновый дед, вот уж сто лет
Как жуёт зелёные яблоки на завтрак и на обед,
Выплывывая вместо косточек слоганы.
«Новинка! Новый Рено Дастер, цвет Атакама»!
Жаль, Бодрийяр не застал инстаграма.

Далее малодушно топчется на мелководе
Фейковый донкихот, самопровозглашенный рапсод – я.
Среди войска глупцов я – маркитант,
Среди сонма творцов я – дилетант,
Я мим, я мем, я паяц, я факир,
Я ярмарочный мошенник.
Завлекаю прохожих купить сувенир,
Прилепив к нему липовый ценник.
«Подходите, смотрите, всего за пятак!..»
Мы сидим у костра и ждём, когда рассеется мрак.
Мальчик, выплывший из воды,
Шутовской выжимает колпак.
Говорит, что Бог бережёт дураков
И ныне, и присно, и во веки веков.
Антуан, старина, говорит:
«Послушаю джаз, это меня подбодрит».
Дед говорит по-прежнему слоганами.
Я говорю:
«К моим тридцати слова – это всё, что мной нажито».
Море волнуется два,
Море волнуется раз,
«Добрый день, не подкажете,
Как отсюда пройти на Парнас?»